В 2003 году вышла в свет антология белорусской поэзии в серии «Славянская поэзия XX–XXI. Из века в век», где в двуязычном варианте были представлены стихи лучших белорусских поэтов второй половины XX века. С тех самых пор прошло уже 16 лет, за это время лицо белорусской поэзии во многом изменилось, пришли новые имена, а те авторы, которые на тот момент были еще в начале своего творческого пути, обрели совсем другую высоту поэтического звучания. Естественно, появилась необходимость переработать и дополнить антологию, а это заставило вновь погрузиться в белорусскую поэзию, чтобы найти новых авторов и новые тексты, достойные войти в обновленный том. Мария Кобец в начале нулевых еще только начинала свой творческий путь, но с самого начала ей были присущи твердая и уверенная поэтическая походка и ни на кого не похожий поэтический голос, звучащий удивительно искренне и проникновенно. На сегодняшний день она по праву занимает свое законное место в сонме современных белорусских поэтов. Маргарита Латышкевич, Алесь Барановский и Алексей Артемов, представители так называемого поколения тридцатилетних, совсем недавно вошли в литературу, но их голос стал сразу заметен. Поэтика Маргариты Латышкевич тяготеет к свободному стихопостроению и поиску новых поэтических форм, характерных для современной европейской поэзии. Алесю Барановскому и Алексею Артемову, напротив, присуще стремление следовать традициям классического рифмованного стиха. Как сложится их судьба, покажет будущее, а мы представляем их творчество на суд современного российского читателя.

Сергей Гловюк

МАРИЯ КОБЕЦ (1974 г. р.)

За кроснами

«Давай-ка, внучка, цевку!
Оставь веретено!
Сама уж скоро девка,
Учись-ка ткать рядно!»

Станок посреди хаты
Древесно-золотой...
«Ты не гляди предвзято!
Садись и тронь ногой!

Челнок держи рукою.
Вот так. Забрось сюды.
Прижми потиху. Полно!
Не натвори беды!

Учись усердно, внучка!
Узор не нарушай.
С желанием, примерно.
Смотри! Не поспешай!»

Ложатся нитки гладко
И, выпущен из рук,
Челнок уже так хватко
Снует под бердов стук...

...Кросны сновать учила,
Чтоб полотно цвело!
Искусницей на диво
Была на все село!

Платки с узором ровным,
Скатерки, рушники...
Ее рукам проворным,
Заботливым таким

Так все легко давалось!
Да не смогла одно —
Соткать, как ни старалась,
Судьбы своей рядно...

МАРГАРИТА ЛАТЫШКЕВИЧ (1988 г. р.)

* * *

...Жили книжные дети, не знавшие битв...
В. Высоцкий

Я отношусь к скромному племени
«книжных детей»,
что росли на асфальте, далекие от забот.
Книжная пыль пронизывала нас,
въедаясь до костей,
когда нас затягивало в чужой водоворот.

В венах наших течет
с чернилами смешанная кровь,
и на мир мы глядим через страницы пожелтевших книг;
сердца наши
бьются в ритме
извечных строк,
будто эхом качаясь на них.

Это «книжные дети» врастают хребтами в сталь
хлестких рифм, как зерно врастает в землю,
это «книжные дети» возводят на пьедестал
тех, кто пишет,
и тех, кто когда-то писал
про одну,
единственную
вечную
нашу землю.

И мне тяжело думать, что, может быть, придет час,
Когда потеряется этот жизненный лад.
И когда, вспомнив в живом разговоре о нас,
припечатают «книжных» —
мол, реликт и на склад.

Нам забыть Слово —
хуже, чем умереть.
Я отношусь к скромному племени «книжных детей».
И, подняв к небу свое бумажное знамя,
я ищу глазами продолжение дорог
и протягиваю руки к тем,
кто идет за нами.

Перевод А. Константинова

АЛЕСЬ БАРАНОВСКИЙ (1988 г. р.)

* * *

В моем мозгу как будто сноп
Заполыхал.
И дуб старинный на окоп
Листвою зашуршал.
И горечью был напоен
Окоп сполна.
За что же проклят так был он,
Молчит луна.
Нет, не избегнешь страшных трат
В кровавой сече.
Стоит окоп, а в нем солдат —
Уходит в вечность.
Вот он, со взглядом неземным,
Уж на пригорке.
Не различить лица войны,
Но привкус горький.
Вот он поднялся от земли,
Святой и голый.
Как ангелы, поют шмели,
Им вторят пчелы.
Уносит время, как река,
От лет тех давних.
И только поступь грибника
Услышишь в травах.

Перевод С. Гловюка

АЛЕКСЕЙ АРТЕМОВ (1991 г. р.)

* * *

Памяти Стрельцова

Ждешь день, ждешь два, а год мелькнет,
И вроде стало и тепло, а взглянешь — ледоход.

Услышишь музыку весны, она в тебе поет,
И забываешь про печаль, и старых бед черед.

Лучи танцуют венский вальс, и свет дрожит в окне,
И музыка весны гремит в тебе, в тебе, в тебе

И зазывает вновь к себе в край детских чистых снов.
Там доброта очертит круг, и ты свободен вновь.

Там пахнет теплым молоком, и шепот над травой,
И мама не болеет там, и дед еще живой.

И в светлый, чудный, дивный край зовет тот ледоход...
Ты просыпаешься в ночи, на лбу холодный пот.

Кто ты, неведомый чудак? Мечтаешь ты о ком,
Искатель музыки весны здесь в шуме городском?

Я сам такой же, как и ты, нас всех судьба ведет
Там, где со снастью у реки нас дед давно уж ждет.

Перевод С. Гловюка